

— Товарищ Лаек, расскажите, пожалуйста, о себе. Как Вы пришли к революционизму? Как происходило становление Вашего мировоззрения?

— Я родился 52 года назад в семье пушунских кочевников на юге Афганистана. Мать не помню — она умерла, когда я был младенцем. Отец переехал в Кабул и вскоре благодаря своим незаурядным способностям стал видным религиозным деятелем. Его авторитету и популярности способствовало то, что отца все знали как героя войны с англичанами — он был отважным командиром повстанческого отряда и легендарно метким стрелком. Отец прожил 116 лет, и до конца жизни для него не было более святого понятия, чем патриотизм, борьба за независимость родины.

С пяти лет я начал изучать религиозные книги, а в семилетнем возрасте испытал первое серьезное потрясение, увидев у одного мальчугана учебник по географии. Меня поразило то, что мир так велик и интересен. Названия материков, стран, морей и океанов тревожили душу, будили какие-то смутные надежды, манили в большой таинственный мир. Я сказал отцу, что обязательно буду учиться. Он согласился, еще не зная, в какую даль заведет меня тропа знаний.

В 12 лет благодаря одному учителю я сделал для себя еще одно важное открытие: познакомился с произведениями русских и французских классиков, узнал поэзию Пушкина. Я стал спорить с отцом, ставя под сомнение мусульманские догмы, которые были для него единственным критерием истины. Он испугался: сын муллы становится кафиром — «неверным». Отец заставил меня продолжать учебу в духовной школе — медресе, мечтая сделать из сына примерного мусульманина.

Но семена настоящих знаний уже дали всходы. Я стал понимать, что коран не может быть единственным учебником жизни. Изучая историю Афганистана, проглатывая одну за другой книги по диалектике, философские труды классиков марксизма, я все больше задумывался об окружающем, о судьбе своего народа, о своем будущем.

Продолжая исправно изучать богословие, я все сильнее убеждался в том, что коран не может ответить на многие вопросы, которые ставят жизнь.

В 12 лет я спросил у одного учителя, который казался мне более либеральным, чем другие: кто такой Ленин? «Это вождь пролетариата и крестьянства», — ответил учитель. Он впервые рассказывал мне о государстве, в котором власть принадлежит народу. Я был потрясен: эта беседа осветила мне путь на годы вперед.

На другой день, выбрав удобный момент, когда мы остались один на один, я снова спросил учителя, где можно прочитать книги о Ленине, о Советском Союзе, о Великой Октябрьской социалистической революции? «Я помогу тебе», — ответил учитель. Только будь осторожен. В наше время за чтение таких книг грозит тюрьма или смерть.

Как вывести страну из тьмы феодализма? Как ликвидировать нищету, голод, безграмотность, мракобесие? Эти вопросы не давали мне покоя, в поисках ответа на них я прочитал множество книг, донимал расспросами друзей и учителей. Будучи учеником 12-го класса, я принял участие в студенческой демонстрации, направленной против произвола властей. Был арестован, подвергнут унижительному наказанию: 2600 ударам розгами. Мое тело стало черным от побоев, дух был почти сломлен.

Поддавшись на уговоры отца, я пообещал руководству школы, что больше не буду участвовать в антиправительственных выступлениях, и мне было разрешено экстерном сдать выпускные экзамены. Но жизнь с этих пор круто изменилась. По существу, я сделал выбор, решив посвятить себя борьбе за демократию, за счастье народа. Тяжело переживал отец — все его друзья стали считать меня неисправимым кафиром, бунтарем. Ученичество осталось позади, а к сознательной политической деятельности я еще не пришел. Подобно Горькому, я собрал нехитрую котомку и отправился странствовать по своей стране — изучал обычаи и нравы народа, записывал легенды и предания, которые впоследствии легли в основу многих поэтических произведений.

— Как складывалась Ваша судьба поэта? Когда и при каких обстоятельствах Вы написали свое первое стихотворение?

— Мне было 11 лет, когда поэзия постучалась в дверь моей жизни. Я написал лирические стихи, которые настолько понравились моему учителю, что он отнес их в газету «Анис», где их тут же напечатали. «Ты будешь большим поэтом», — сказал учитель без тени улыбки на лице. Никто в школе не верил, что опубликованные строки написал мальчишка. А я уже не мог остановиться: поэзия с тех пор пленила меня.

Первые стихи были печальны, пронизаны пессимизмом. Я писал о том, что в этом мире светлые мечты не сбываются, что конец всему — неизбежная смерть. Странная тема для подростка, не правда ли? Но ведь недаром у нас на Востоке говорят: из кувшина может вылиться

мы строим новый Афганистан...

— Товарищ Лаек, а какой момент Вашей жизни Вы считаете самым счастливым?

— Ночь с 1 на 2 января 1965 года. Состоялся учредительный съезд партии — мы чувствуем огромное воодушевление, необыкновенный прилив сил, желание действовать. До апрельской революции еще целых 13 лет, но нам в ту ночь кажется, что мы уже победили.

— Сегодня в Вашем творчестве очень сильны патристические мотивы. Примером могут служить многие стихи последних лет: «Я люблю свою родину», «Эй, ветер новой эры!..»

— Переход от патетики к патриотизму и интернационализму логичен для любого поэта-революционера. Для

ИЗ АФГАНСКОГО БЛОКНОТА

«МОИМ ОГНЕМ ЖИВЫМ СОГРЕТ...»

Сулейман ЛАЕК — выдающийся общественный деятель Афганистана. Поэт. Революционер. Президент Академии наук ДРА. Министр по делам народностей и племен. Его знают и любят кочевники, земледельцы, ремесленники. Студенты наизусть заучивают его стихи, а воины идут в бой с написанными им песнями. Названием этой беседы стала строчка из стихотворения Сулеймана Лаека «Потомкам».

только то, что в нем есть. Что я видел? Холод, голод, косые взгляды четырех отцовских жен, кругом — беспроектную нужду... Это было «в кувшине» моей юной души.

После года скитаний мне удалось поступить на теологический факультет Кабульского университета, однако на втором курсе был исключен за то, что «сеял смуту среди студентов». К тому времени за мной уже установилась прочная слава бунтаря. Еще через год поступил на юридический факультет — оттуда изгнали почти сразу. Не удержался и на факультете естественных наук. Наконец, стал студентом факультета литературы, причем декан сразу поставил жесткое условие: никакой политической пропаганды в общежитиях и аудиториях, никаких «посторонних» разговоров.

В моем творчестве теперь все громче начинают звучать гражданские мотивы. Огромное влияние на мою идейную закалку оказала дружба с одним из основателей Народной демократической партии Афганистана доктором Хайбаром, через которого я познакомился с Бабраком Кармалем. После лекций в университете в нашем доме собиралась прогрессивно настроенная молодежь, и товарищ Хайбар занимался с нами революционной теорией, помогал постичь труды классиков марксизма-ленинизма. По существу, это был один из многих возникших тогда революционных кружков, которые затем слились в партию. К нам приходили новые товарищи, деятели литературы, лидеры демократических организаций, дискуссии продолжались до глубокой ночи, а тема их почти всегда была одинакова: будущее любимой отчизны, путь к демократии и свободе.

В поэтическом творчестве наступает новый этап: я обращаюсь в стихах к каторжному труду крестьян, бесправному положению рабочих, и это уже не чистая поэзия, а призыв ко всем честным людям задуматься о судьбе Афганистана.

Университет позади, однако моя репутация такова, что путь в любое государственное учреждение закрыт. Я — поэт, победитель множества литературных конкурсов, но стихами у нас не заработаешь на жизнь. Уезжаю на север, под Пули-Хумри, где у отца есть немного земли, и целый год работаю, как простой крестьянин. Потом друзья рекомендуют меня на чиновничью должность к одному министру. Товарищ Кармаль посоветовал воспользоваться этой возможностью, чтобы снова быть ближе к соратникам по борьбе.

Вся моя дальнейшая судьба связана с партией: мы множим свои ряды, крепнем, мы совершаем революцию,

меня в этом смысле примером является жизнь и творчество Мирзо Турсунзаде. Только настоящий интернационалист может быть подлинным патриотом.

— В своих интервью и статьях Вы не раз выражали глубокое преклонение перед творчеством Горького. Это Ваш любимый писатель?

— Да. Жизнь и произведение великого Горького находятся в удивительной гармонии. В его книгах реализм соседствует с высокой романтикой — это очень близко мне. Даже в коротком рассказе он умел ярко и глубоко отразить мир — вспомним хотя бы «Песню о Буревестнике». Я преклоняюсь перед Достоевским, Чеховым, лучшими представителями французской, американской литературы, хорошо знаю произведения писателей Индии, Пакистана, но в них нет такой силы, которая исходит от книг Горького. Это гений творчества революции, его труды являются учебниками для многих поколений борцов.

— Каковы Ваши творческие планы?

— Работаю много. Каждый вечер, закончив государственные дела, сажусь за стол. Знаю, что люди ждут моих стихов, что сегодня долг поэта — быть в гуще революционных событий. Ближайшие замыслы таковы: хочу написать поэму о братской дружбе двух народов — афганского и советского, а также сборник стихотворений о реальных героях революции. Несколько произведений этого цикла уже готовы, кажется, я доволен ими. Среди них есть стихи о советских воинах, проявляющих беспримерный героизм при выполнении интернационального долга по оказанию помощи Афганистану.

— Какое событие XX века Вы считаете самым выдающимся?

— Если позволите, я скажу о событии, которое еще не произошло, но является чаянием миллиардов людей планеты. Оно наступит тогда, когда правительства всех стран наконец-то договорятся о всеобщем и полном разоружении.

Задача мира — это сейчас главная задача народов. Мир нужен человечеству, как кислород. Политика империалистов грозит не только самоубийством им самим, но и ставит под угрозу существование всей планеты.

— Ваша заветная мечта?

— Чтобы люди всего мира сбросили оковы колониального, феодального, империалистического угнетения. Чтобы на земле царили свобода, равенство, братство, а борьба осталась только одна — против стихийных сил природы.

В. СНЕГИРЕВ.

Фото автора. Кабул — Москва.